

**«Слезный дар» и сентименталистская «чувствительность»
в «Истории Государства Российского» Н.М. Карамзина:
к постановке проблемы¹**

Николай Михайлович Карамзин, несмотря на немалую изученность, и поныне остается загадкой. По-разному не только интерпретируют, но и оценивают его вклад в русскую культуру². Образ Карамзина зачастую двойится: меланхоличный и чувствительный писатель оказывается несовместим со строгим консервативным историографом. Для филологов Карамзин по большей части остается сентиментальным юношей, наследие зрелого историографа редко оказывается объектом их рефлексии. В устной беседе на радио «Радонеж»³ И.А. Есаулов с сожалением отмечает, что литературоведы мало обращаются к «Истории Государства Российского», тогда как она являет собой выдающийся памятник русской словесности, образец «благоуханной» лирической прозы. Как позднее на Пушкина чтение летописей в Святогорском монастыре, на Карамзина памятники древнерусской словесности также оказали сильное воздействие, что не преминуло отразиться и в поэтике «Истории...», и в самих установках историка. Карамзин «вносит в историю моральное измерение»,

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00411 («Роль парафраза в переходе от словесности к новой русской литературе»).

² Сапченко Л.А. Карамзин в движении времени // «Н.М. Карамзин: pro et contra» / Сост., вступ. ст. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/k/karamzin_n_m/text_0950.shtml

³ Беседы о русской словесности с Иваном Есауловым. Н.М. Карамзин. [Электронный ресурс]. URL: <http://radonezh.ru/radio/2016/06/14/20-24.html>

подходя к описываемым событиям с христианской мерой⁴. Уже в предисловии он пишет не об абстрактно теоретической, но о прикладной, поучительной роли истории как «священной книги народов», «завете предков к потомству», и обозначает свою христианскую позицию, желая, чтобы «правила мудрого Самодержавия и Святой Веры более и более»⁵ укрепляли Россию. Здесь же он говорит об определяющей роли христианства для формирования русской государственности, и потому воссоздание нравов и обычаев предков немислимо для него без учета их веры. Причем для историографа «их» вера – это и «наша» вера – и «Вера истинная». Христиане Древней Руси для Карамзина «свои», «родные» (нужно отметить, что такое отношение далеко не всегда встречается как у ученых-историков, так и у исторических романистов⁶). Подобные установки не только декларируются Карамзиным – на них основывается вся концепция русской истории и поэтика повествования о ней. Причем именно при *филологическом* взгляде на «Историю...» особенно отчетливым становится православный взгляд историографа⁷.

---

⁴ Там же.

⁵ Карамзин Н.М. История государства Российского. В 3 кн. М., 1988. Кн. 1. С. XIV.

⁶ Например, в историческом романе И.И. Лажечникова «Басурман», где даются поэтические картины из русской жизни времен Ивана III, являются русские герои, вызывающие у писателя горячую симпатию, но мировоззренчески их средневековое религиозное сознание, неприятие просвещения и предубеждение против Европы чуждо писателю. Гораздо роднее для него «басурмане» – итальянский архитектор и немецкий доктор, – которые воспринимаются на фоне русской жизни как люди «будущего» (См подробнее: Сытина Ю.Н. Соотношение России и Европы как центральная проблема саморефлексии русской литературы в первой половине XIX века // Русская классическая литература в мировом культурно-историческом контексте / коллектив авторов под ред. И.А. Есаулова, Ю.Н. Сытиной, Б.Н. Тарасова. М.: Индрик, 2017. С. 91–140).

⁷ Обосновать это мы попытались в работах: Сытина Ю. Н. Иконы в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина: к постановке проблемы // Ученые записки Новгородского государственного университета. № 2 (20). [Электронный ресурс].

URL: <http://www.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=15068...>; Сытина Ю.Н. О божественном и чудесном в «Истории государства Российского» Н.М.

В то же время, важно заметить, что Карамзин не был мистиком, как многие его современники. Увлечение масонством в юности скоро прошло и сменилось по преимуществу рациональным взглядом на мироздание. При этом в целом «характер его религиозного чувства»¹⁰ определился довольно рано благодаря чуду, спасшему еще мальчика-Карамзина от верной гибели: «Однажды в лесу, во время грозы, из чащи выбежал медведь и бросился на мальчика. Гибель казалась неизбежной. Карамзин закрыл глаза и твердил лишь одно слово: “Господи...” И когда в следующее мгновение пришел в себя, раскрыл глаза, то увидел страшного зверя, поверженного на землю»⁸ – медведя убило молнией. Впоследствии в «Рыцаре нашего времени» Карамзин так опишет потрясение детской души от смертельного ужаса и чудесного избавления: «Леон стоял все еще на коленях, дрожа от страха и действия электрической силы; наконец, устремил глаза на небо, и, несмотря на черные, густые тучи, он видел, чувствовал там присутствие Бога-Спасителя. Слезы его лились градом; он молился во глубине души своей, с пламенной ревностью, необыкновенною во младенце; и молитва его была... благодарность! – Леон не будет уже никогда атеистом, если прочтает и Спинозу, и Гоббеса, и “Систему природы”»⁹.

Приведенный фрагмент характерен для сентименталистской прозы Карамзина, исполненной чувств и чувствительности. Но и оставив поприще литератора для ученой стези историографа, Карамзин не изменит своих представлений о человеческом сердце: повествование о «преданьях старины глубокой» воскрешает чуть ли не

Карамзина // Ценностные основы национальной картины мира в русской литературе: [коллективная монография] / отв. ред. и сост. И.А. Киселева; ред. колл.: Т.А. Алпатова, К.А. Поташова, Л.И. Шевцова. – М.: ИИУ МГОУ, 2019. С. 58-77.

⁸ Муравьев В.Б. Карамзин. М.: Молодая гвардия, 2014. С. 18.

⁹ Цит. по: Муравьев В.Б. Карамзин. М.: Молодая гвардия, 2014. С. 19.

прежде всего характеры далеких предков, их переживания, верования, подвиги самоотречения или же нравственные падения, слезные скорбные и благодарственные молитвы. Сложно найти другой труд, где бы исторические деятели были бы столь *живыми*, глубоко чувствующими и чувствительными. Слезы и умиление часто встречаются в «Истории...», чистое сердце – важнейшее достоинство правителя в глазах Карамзина. Слезы, выступающие на образе Богородицы-заступницы, плач народный, сокрушенные слезные покаянные речи князей, тихий плач умиления – все эти примеры явно отсылают к традициям древнерусской литературы, о чем свидетельствуют и приводимые в примечаниях¹⁰ к «Истории...» фрагменты летописей и житий.

В «Истории...» мы сталкиваемся с поразительным сочетанием древнерусской, православной и западноевропейской, сентименталистской (рациональной по сути своей) традиций. Такое сочетание – безусловно, требующее дальнейшего изучения – служит прекрасным подтверждением гипотезы И.А. Есаулова, согласно которой «В XVIII в. русская словесность переживает два разнонаправленных “воздействия”. Происходит грандиозный “перевод” как европейских литератур, так и церковно-славянской кириллической культуры на “светский” русский язык»¹¹. В таком контексте понимания, по мнению Есаулова, именно «История...» Карамзина «является своего рода итоговым парафразом с двух сторон

---

¹⁰ Попутно заметим, что литературная обработка Карамзиным исторических документов, приводимых в примечаниях, – отдельная и интереснейшая тема, показывающая как Карамзин «переводил» на формирующийся тогда литературный русский язык текст древнерусской письменности.

¹¹ Есаулов И.А. Между ratio Просвещения и православной традицией: парафраз в словесности XVIII века // Русская классическая литература в мировом культурно-историческом контексте. М., 2017. С. 83.

сразу: как с “языка” церковно-славянской книжности, ближайшим образом – русских летописей (отсюда диалог, диалогические отношения между основным текстом “рассказа” Карамзина и его примечаниями), так и с просветительского “языка” современной Карамзину западной культуры его времени, преимущественно французской, но не только»¹². Таким образом, «слезы» в «Истории...» включают в себя и «слезный дар», и сентименталистскую чувствительность. Искажением было бы предпочтение той или другой традиции при интерпретации поэтики Карамзина. Но если западноевропейская традиция проявляется в «Истории...» больше как дань изяществу повествования, то ценностно историограф солидаризируется именно с традицией древнерусской, что мы постараемся проиллюстрировать.

Одним из чувствительнейших древнерусских князей оказывается под пером Карамзина Владимир Мономах. Он проливает слезы по своему почившему родителю, оплакивает злодеяние Давида по отношению к Васильку, но и призывает братьев «наказать изверга», восстановить мир на Руси, ибо только так можно сделаться достойными храбрых и великодушных предков. Характеризуя Владимира Мономаха, историограф замечает: «Набожность была тогда весьма обыкновенною добродетелию; но Владимир отличался Христианским сердечным умилением: слезы обыкновенно текли из глаз его, когда он в храмах молился Вседержителю за отечество и народ, ему любезный. Не менее хвалят Летописцы нежную его привязанность к отцу (которого сей редкий сын никогда и ни в чем не ослушался), снисхождение к слабому человечеству, милосердие,

---

¹² Там же. См. также: Есаулов И.А. Парафраз и становление новой русской литературы (постановка проблемы) // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 2. С. 30–66.

щедрость, незлобие: ибо он, по их словам, творил добро врагам своим и любил отпускать их с дарами. Но всего яснее и лучше изображает его душу поучение, им самим написанное для сыновей. К счастью, сей остаток древности сохранился в одной харатейной летописи и достоин занять место в Истории»¹³. Так, парафрастически передавая чувства и характер древнерусского князя языком уже XIX века, Карамзин старается остаться верным *духу* летописи.

Чувствительностью у Карамзина отличается и русский народ, который отнюдь не равнодушно «безмолвствует», но так или иначе откликается на исторические события, зачастую проливая слезы скорби, ужаса или же радости и благодарности. Причем от тома к тому чувствительность эта отнюдь не утрачивается, но скорее даже возрастает. Сердца же правителей Руси, напротив, становятся менее чувствительными и милосердными, так, Иоанн Грозный отличается жестокостью, Феодор Иоаннович – равнодушием, Борис Годунов – лукавством.

Чувствительными в «Истории...» оказываются не только люди, но и иконы. Так, Богородица будет не раз выступать как защитница православного русского воинства. Например, во время княжеских междоусобиц, чудо, явленное иконой, происходит при осаде Мстиславом Великого Новгорода. Карамзин следующим образом описывает это событие в стенах обороняющегося города: «Архиепископ Иоанн, провождаемый всем клиросом, вынес икону Богоматери <...> игумены, иереи пели святые песни; народ молился со слезами, громогласно восклицая: *Господи помилуй!* Стрелы сыпались градом: рассказывают, что одна из них, пущенная воином суздальским, ударилась в икону; что сия икона в то же мгновение обратилась лицом

---

¹³ Карамзин Н.М. История государства Российского: В 4 кн. М., 1988. Кн. 1. Т. 2. С. 95.

к городу; что слезы капали с образа на фелон архиепископа и что гнев Небесный навел внезапный ужас на полки осаждающих»¹⁴ (курсив автора. – Ю.С.).

Характерно в приведенном эпизоде страдание образа вместе с народом и непосредственность переживания Богородицы – ее слезы. Как далее отмечает Карамзин, «новгородцы одержали блестящую, совершенную победу и, приписав оную чудесному заступлению Марии, уставили ежегодно торжествовать ей 27 ноября праздник благодарности»¹⁵. Просвещенный историограф счел нужным так прокомментировать событие, описанное в летописи и переданное им: «Чувство живой Веры, возбужденное общим умилением, святыми церковными обрядами и ревностным содействием духовенства, могло весьма естественным образом произвести сие чудо, то есть вселить в сердца мужество, которое, изумляя врага, одолевает его силу. Новгородцы видели в Андреевых воинах не только своих злодеев, но и святотатцев богопротивных: мысль, что за нас Небо, делает храброго еще храбрее»¹⁶. С одной стороны, в этом осторожном комментарии можно усмотреть влияние рационализма эпохи просвещения (однако и тогда сверхъестественному чуду противопоставляется живая Вера), но с другой стороны – присущее еще раннему Карамзину «сочетание определенности и неопределенности», которое не претендует на «божественное всеведение»¹⁷. Этот прием неопределенности,

---

¹⁴ Карамзин Н.М. История государства Российского: В 4 кн. М., 1988. Кн.1. Т. 3. С. 10.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Беседы о русской словесности с Иваном Есауловым. Н.М. Карамзин. [Электронный ресурс]. URL: <http://radonezh.ru/radio/2016/06/14/20-24.html>; См. также: Есауловъ И.А. О любви. Радикальные интерпретации. Магаданъ: Новое время, 2020. С. 18–19.

двойственности фантастического затем будут активно использовать романтики¹⁸.

Из этих – произвольно выбранных – примеров видно, что чувства и чувствительность принципиально важны для характеристики людей и событий в «Истории...», именно они (а не логическое изложение хода военных или политических действий, экономического развития и т.д.) более всего занимают Н.М. Карамзина. На уровне поэтики в изображении чувств мы сталкиваемся с поразительным сочетанием древнерусской, православной и западноевропейской, сентименталистской традиций. Такое сочетание – повторимся: требующее дальнейшего многостороннего филологического анализа – оказывается непротиворечивым именно благодаря рассмотренной концепции формирования русской словесности Нового времени как грандиозного парафраза одновременно и европейских литератур, и церковно-славянской кириллической культуры на «светский» русский язык.

---

¹⁸ См.: Сытина Ю.Н. Сочинения князя В.Ф. Одоевского в периодике 1830-х годов. М., 2019. С. 260–264.